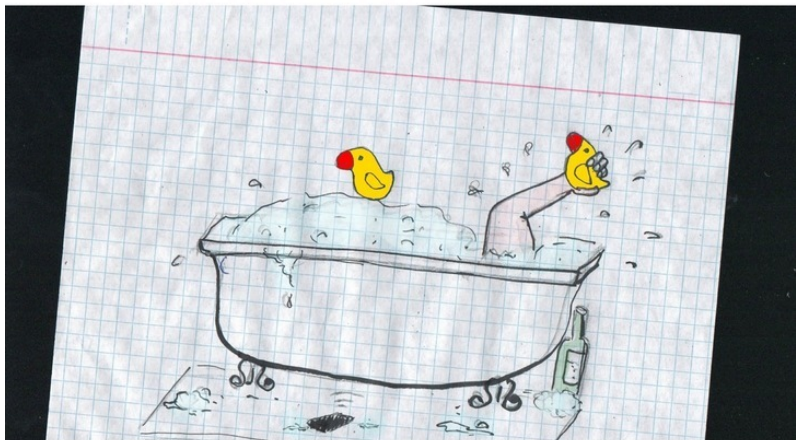

Оли Бу & Серж Ксуров

ФЕНОМЕН АПОЛЛОНА ИЛЛЮЗОРОВА

К чертям все...

Оли Бу & Серж Ксуров Феномен Аполлона Иллюзорова. К чертям все...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30083558

ISBN 9785449051486

Аннотация

У него как будто бы есть все. Материально-денежная сторона бытия отработана по полной. Но багаж комплексов, заработанных в детстве и юности, мешает жить счастливо – тянет на дно депрессивного одиночества. Кто поможет? Кто спасет? Потусторонние силы – кто же еще... Однако просто и даром здесь никак не получится – придется переступить через себя, пройти путь непростых трансформаций... Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	35

**Феномен Аполлона
Иллюзорова
К чертям все...**

Оли Бу & Серж Ксуров

© Оли Бу & Серж Ксуров, 2019

ISBN 978-5-4490-5148-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Аполлон пересекал сквер быстро, вприпрыжку. В сквере почти никого не было. Мамаша с ребенком. Двое местных пьянчужек, устроивших пикник прямо на лавочке. На растеленной газетке – надгрызенная булка в компании соленых огурцов. Под лавочкой в гуще осенних листьев – пустая стекляшка из-под спирта и смятая упаковка аптечной травы – традиционный набор для самодельного абсента. Неопределённого возраста крашеная блондинка со взлохмаченными волосами любовно обнималась с бородатым стариком в офицерской фуражке. Дворняги лениво копошились в помойных контейнерах, расположенных сразу за крошечным продуктовым магазином.

Сквер остался позади. Аполлон вздохнул с облегчением. Он очень не любил этот участок пути по дороге домой. В сквере часто собирались шумные пьяные компании. Но сегодня здесь было, на удивление, тихо.

Еще пару поворотов между хрущевками, родной заплыванный подъезд – и можно будет сказать: «Мама, здравствуй. Я пришел».

Неожиданно где-то позади раздался истошный визг. Аполлон обернулся, – голосил ребёнок, споткнувшийся о бордюр. Мамаша бросилась поднимать упавшее чадо. И не успел Аполлон опомниться, как впереди из-за угла вы-

скочила грузовая тележка с картонной коробкой из-под холодильника, сикось-накось примотанной скотчем. Аккурат гроб на колёсиках из известного детского эпоса. Тележкой рулили двое местных хулиганов. Аполлон не успел отпрыгнуть в сторону, угол коробки полоснул по коленке. Больно было даже через колготы. Увидев Аполлона, хулиганы тут же остановили тележку, загородив мальчику путь.

Лица у них были недобрые. Намерения, судя по всему, тоже.

Один из хулиганов с рыжей, как огонь, шевелюрой, веснушчатым лицом и злыми мелкими глазенками выкрикнул:

– Ба! Кто тут у нас! Ну-ка, Витек, освобождай-ка аппарат. Вишь, новый пассажир нарисовался!

Внутри кто-то грязно выругался, коробка закачалась, и через пару секунд показалась голова с всклокоченными патлами и порванным ухом, как у дворового пса. Аполлон узнал соседа по лестничной клетке, ужасно грубого и беспринципного типа.

– Опа! – прохрипел улыбающийся Витек. – У нас, по-моему, новый Гагарин. Слышь, кучерявый говнец? Где ж твоя мамаша-простокваша? Опять вчера весь вечер тренькала. Я чуть с ума не спятил. Засунуть бы ей это пианино...

– Ну, что? Давайте покатаем товарища в космолете? – предложил хулиган по кличке Серый. У него дергался левый глаз, лоб покрывали мелкие прыщики.

Аполлон съежился, предчувствуя недоброе. Коленка пре-

дательски ныла. Бежать было некуда. И, как назло, вокруг ни одной души, кто мог бы прийти на помощь.

– Смотрите-ка... Сейчас кто-то наложит в штаны, – сказал Рыжий, сплевывая на землю.

– Я даже знаю кто, – сказал Витек.

После коротких раздумий Аполлон все-таки попытался улизнуть. Он сделал резкий рывок влево, но его тут же отпружило обратно, – Рыжий ловко ухватил Аполлона за ранец, висящий у мальчика на спине, и с силой рванул на себя, а затем отбросил на землю. Аполлон упал на спину. Портфель отлетел в сторону. Содержимое высыпалось наружу.

– Смотрите-ка, пацаны! Этот петух в панталонах любит жрать морковку.

– Так это же осел, самый настоящий!

– Осел в бархатных штанишках и девчачьих туфельках с бантиками! Умора!

Все трое дружно загоготали.

– Ребята, пустите меня. Мне домой надо, – сказал Аполлон, не вставая с земли. Ребята обступили его со всех сторон. Он боялся, что если попытается подняться, то получит ногой в живот или, еще хуже, прямо в нос ботинком. От таких отморозков всего можно было ожидать.

– Полежи, родимый, – сказал Витек. – Пока мы не решили, что с тобой делать.

– Решили, – сказал Рыжий. – В космос он у нас полетит. Торпедой едреной. Слышь, кудрявый?

Двое взяли Аполлона за ноги. Третий больно прихватил несчастного за грудки. Аполлона поволокли к тележке.

– Только пискни, кучерявый, – пригрозил Рыжий. – Такого пенделя схлопочешь!

Аполлона запихнули в короб. Картон плотно запечатали, не оставив Аполлону возможности вылезти наружу. Да еще золотистый локон волос прихватило липучкой.

Ситуация – омерзительней некуда. Аполлон почувствовал, что тележка тронулась с места. Коробка «полетела в космос».

Ребята бежали довольно быстро. Рыжий и Серёга были у руля. А Витёк бежал рядом. Сил у них было, хоть отбавляй. Аполлону казалось, что путешествие продлится целую вечность.

– Устроим Гагарину метеоритный дождь? – предложил Серый.

– А то! – хором спели Рыжий и Витек.

Хулиганы остановили тележку. Первым на неё прыгнул Витек и тут же принялся мутузить «космический аппарат» руками и ногами. Рыжий и Серый с радостью присоединились.

Сквозь картонные стенки Аполлон получал пинки и удары. Кто-то навалился сверху всем туловищем. Аполлону показалось, что ему свернут шею. В глазах засверкало и заискрилось. Он вжал голову в ноги, приняв позу эмбриона. Молитв он не знал. Поэтому принялся считать про себя до де-

сяти и обратно в попытке не сойти с ума от приступа охватившего его панического ужаса.

– Ну, что кучерявый?! – крикнул Рыжий. – Как тебе? Пять минут – полет нормальный?!

– Его укачало! – захихикал Витек. – Экипаж хилый оказался. Не кондиция!

– Прости, брат, – съязвил Рыжий. – «Стюардессов» не держим тутати. Чай обслужить некому. Можем из лужи водицы предложить.

Аполлон собрался с силами и, что есть мочи, и выкрикнул:

– Помогите!

Получилось как-то совсем тихо и жалостливо. Будто котенок из подвала мяукнул. Аполлонаникто не услышал. К тому же ребята-мучители громко и истошно гоготали, перекрывая голосовые потуги и всхлипывания «экипажа».

Хулиганы откатали тележку в безлюдное место – к большому котловану на участке теплотрассы, где уже год велись ремонтные работы.

– А давайте его с горы спустим? – предложил Витек.

– Это можно. Только аппарат жалко. На нем еще летать и летать, – сказал Рыжий.

– О, пацаны! А давайте мы этого кучерявого похороним! – предложил Серый. – Как нашу географичку год назад.

Ребята в прошлом году тайком проникли на похороны учительницы географии, которой к моменту смерти было

уже за восемьдесят. Учительница была глубоко верующей – ее хоронили с соблюдением всех православных канонов. Погребальный обряд произвел на ребят большое впечатление. Просидев всю похоронную церемонию за чьим-то кладбищенским монументом и подглядывая за происходящим, все трое оказались очень довольны, ибо получили массу интересных впечатлений. А Рыжий даже умудрился слямзить траурный венок. И не придумал ничего умнее, кроме как повесить это самый венок прямо у себя над кроватью на гвоздь вместо порядком поднадоевшей репродукции Саврасова «Грачи прилетели».

– Будет весело, – добавил Серый мечтательно.

– Ну, допустим. А что делать надо-то? – спросил Витек и со всего маху пнул коробку.

Аполлон промычал что-то невнятное и затих, как будто бы приготовился умирать.

– Ты че, забыл? – сказал Серый. – Все просто. Рассказываю для особо умных: опускают гроб в яму. Вместо ямы сойдет вот этот котлован. Потом гостей зовут. Гостиными мы сами будем. Ну, и поп еще нужен...

– Зачем нам поп? – спросил Витек с сомнением в голосе. – Давайте без попов.

– Без попа нельзя! – запротестовал Серый и замахал руками. – Не поперет. Хотите, я буду попом!

– Дурак ты, Серый, – сказал Рыжий, смачно сплюнув на землю. – Какой из тебя поп? Ты попа видел? Забыл, какая

у него борода? И еще он огромный. А ты сморчок сморчком.

Витёк заржал. Серый обиделся.

– Фигня это все. Там главное в черном быть с ног до головы. Плащ у матери возьму. Он с капюшоном даже, – сказал Серый.

– А у меня маска есть Карабаса-Барабаса. Она сама из картона. А борода из настоящей щетины. Так что у Серого харя, что надо будет. Настоящий поп получится, – сказал Витек.

– Вот и клево! – сказал Серый. – Но чтоб всё чики-пуки вышло, нам нужна красная книжка с крестом. Ее поп читает, чтобы душа улетала на небеса.

– Ага. Молитвослов, называется. У моей бабки такой есть, – сказал Рыжий, вальяжно облокотившись о коробку. – Только бабка под Рязанью. Что делать будем?

Ребята приуныли.

– Пацаны! – прошипел Витек заговорщески. – Я придумал. У моего брата есть книжка лучше, чем у попа. Правда, в черной обложке, но тоже с крестом. Братуха её под матрасом прячет. Они с друзьями в подвале нашего дома зажигают свечи, одежду всю снимают и голые читают эту книжку вокруг круга. Круг мелом прямо на полу нарисован. И еще там значки какие-то накаляканы, наверное, слова на непонятном языке.

– Че ты гонишь? – спросил Серый. – За придурков нас держишь?

– Да я не гоню! Сам видел через подвальное окошко.

У них даже девки были голые, сиськами трясли.

– Ну, зашибись. Ладно, тащите, пацаны, свое добро. Будем хоронить кучерявого, – сказал Рыжий и добавил, барабанив пальцами по коробу: – Будешь ты, кучерявый, как человек погребен, а не как собака позорная.

Аполлон съежился еще больше. Ему не хотелось быть живо погребенным, пусть и с церемонией. Поэтому идея трех малолетних мучителей показалась ему грубой безвкусицей. Животный страх, правда, куда-то исчез. Остались лишь тоска и уныние.

Серый и Витек сгоняли за похоронными причиндалами. Рыжий нарвал нехилую охапку цветов и попытался сплести надгробный венок, но вскоре плюнул на это дело, разбросав цветы россыпью поверх коробки.

Тележку с коробкой откатали вплотную к котловану, потеряв по дороге несколько цветков.

– Вот здесь как раз не очень глубоко. Для кучерявого сойдет, – сказал Серый, указывая на не очень глубокую часть котлована.

– Мы его слегка присыплем, – сказал Рыжий. – Через пару часов вернемся и откопаем обратно. А то коробку жалко. Слышь, кудрявый гондурас? – сильный пинок по коробке. – Ты нам картонку-то не изгваздай. Мы еще в ней в космос летать планируем. Усек?

Ребята спихнули коробку в котлован.

– А вдруг нам за это всыпят по пятое число? – спросил

Витек встревоженным голосом.

– Никто не узнает, – сказал Серый. – Так, ведь, Кучерявый?

– Кучерявый – могила, – сострил Рыжий.

Все трое дружно заржали.

Аполлон сжался от очередного удара ногой о коробку.

Сверху забарабанил комья земли. Ребята шутили и громко ржали, подбадривая друг друга. Земля продавливала стенки коробки, рискуя ворваться в ее тесное нутро. Наконец, Аполлон погрузился в полную темноту. И еще стало совсем тихо. Тихо, как в гробу. Запахло сыростью. Тоненькая струйка песка, как в песочных часах, сыпалась на лицо мальчика.

Серый нацепил маску Карабаса-Барабаса и мамин черный плащ, открыл добытую Витькой книжку на первой попавшейся странице.

– Что за фигня? – сказал Серый, разглядывая незнакомые буквы старославянского языка. – ни одного слова не понимаю!

– Читай! – прошипел Рыжий.

Серый начал читать медленно и нескладно, спотыкаясь на забавно изогнутых буквах.

Рыжий и Витек стояли преисполненные напускной сгорбью.

Аполлон начал потеть. В коробке стало невыносимо жарко. И еще, кажется, катастрофически не хватало кислорода

– Слышь, Серый, – сказал Рыжий тихо, но злобно. – Читай с выражением!

Серый добавил выразительности. И начал читать медленнее, громче и чуть поскладнее.

Но, вскоре, как и следовало ожидать, ребята устали от своей же затеи. Серый предложил поугагать девчонок, изображая бородатого маньяка в плаще. Идея всем понравилась. Моментажно забыв про «кучерявого», ребята побежали на детскую площадку, где девчонки часто играли в куклы и другие глупые игры.

Аполлон остался совсем один. От жары и нехватки воздуха он впал в протрацию или, может быть даже, потерял сознание. Мысли Аполлона поплыли беспорядочным потоком сквозь непослушное сознание. Кадры из прошлого и настоящего сменяли один другой в хаотичном порядке.

Однокомнатная хрущевка. Мама в газовом шарфике, обмотанном вокруг тонкой шеи, музицирует на обшарпанном пианино. Улыбается, смотрит на сына. Аполлон, сморщившись от ненавистного брэнчания, разучивает слова какой-то мерзкой песенки к завтрашнему уроку хорового пения.

Поздняя осень. Аполлон тащится в школу. Наполненный учебниками и тетрадками ранец оттягивает лямки. Школьный двор навевает тоску. Вокруг – грязь, уныние и холод. В голову неожиданно впечатывается «капитошка». Голова, плечи, грудь – все мокрое. Становится еще противней и холоднее. Со второго этажа школы – гогот.

Кто-то кричит противно писклявым голосом:

Апа-апаллончик,

Выпей самогончик

И запей его кваском —

Увезут тебя в дурдом.

Шприцем в задницу пырнут,

В башню током долбанут,

И положат под кровать —

Тихо смирно помирать.

Ясли. Время полуденного сна. Нянечка гладит Аполлона по шелковистым кудрям. «Вылитый купидончик!» – воркует она, тербя его румяные щёчки. Аполлон любит няней – крупнотелой, белокожей, с русой косой и добрейшим нравом. «Аполлоша у нас красивше всех!» – говорит она.

Неожиданно сквозь сон или бред Аполлону почудилось, будто в коробке есть кто-то ещё, кроме него, ибо слышалось шуршанье, ворчанье или что-то вроде того. Эта мысль казалась безумной ввиду того, что в коробке было мало свободного места.

– Апа-апа-лончик, выпей самогончик, – пропел некто несложный мотивчик, до боли знакомый Аполлону. – Я тут. Вызывали?

– Кого вызывали? – промямлил Аполлон.

Он был уже почти невменяемый и решил, что все это, скорее всего, его фантазия.

– Джинна вызывали? По моей информации, вызывали.

И вот он я, здесь, к твоим услугам.

– Какого еще джинна? – спросил Аполлон. – Я никого не вызывал.

– Ты лично, может, и не вызывал. Но те трое, что запихнули тебя сюда, видимо, вызывали, – сказал джинн, который все еще был невидим.

– Причем здесь я? – спросил Аполлон.

– Объясняю, – протянул джинн. – Я пришел по вызову. Как сантехник или электрик приходит. Пришел, чтобы исполнить твое желание.

– Ммм.., – промычал Аполлон, мотая головой. – Это все сон... Сон...

На лицо мальчика наворачнулись слезы.

– Не стоит так убиваться. В конце концов, ты можешь извлечь вполне очевидную пользу из нашего с тобой сотрудничества. Главное сосредоточиться и начать уже говорить о деле. У меня крайне мало времени. И ты, дружище, не единственный мой клиент.

– Я просто хочу домой, чтобы все было хорошо, – ныл Аполлон.

– Это совсем несложно, – сказал джинн менторским тоном. – Я в состоянии исполнить любое твое желание. Ты, главное, сконцентрируйся. Надо всего лишь обсудить условия нашего сотрудничества. Если всех все устроит, то пойдешь домой без всяких проблем.

– Я тебя даже не вижу, – сказал Аполлон дрожащим го-

ЛОСОМ.

– Не видишь – для твоего же блага. Ты, парень, на мой взгляд, еще не готов меня видеть. К тому же здесь слишком мало места для того, чтобы я мог материализоваться. Сам вон еле умещаешься.

– Мне плохо, – сказал Аполлон. – Воздуха не хватает.

Невидимый джинн, судя по-всему, пожалел мальчика и что-то там наколдовал, потому что откуда ни возьмись в коробке появился свежий лесной воздух с ароматом еловых шишек.

– Может, выпьешь – для успокоения нервов? – неожиданно предложил джинн. – Вам, людям, помогает. У меня как раз джин есть, чистый, без тоника.

Аполлон шмыгнул носом и потер заплаканные глаза.

– Я не пью. Я маленький, мне нельзя.

– Молодец! – сказал джинн. – Настоящий пионер. Или кто ты там. Октябренок.

– Или ладно... Давай свой джин, – всхлипнул Аполлон и сам не заметил, как от страха перешел на «ты».

– Ай, молодец, – сказал джинн и поцокал языком. – Мама не заругает?

– Плевать. Расстройство накатило.

– Держи, брателло, – сказал джинн. – Это, кстати, бесплатно. Не в зачет желаний. Так что хлебай на здоровье.

Аполлон почувствовал, как в правой руке очутилась бутылка, как из-под «нарзана». Крышка открылась сама со-

бой. Аполлон отпил немного. Жгучая, но весьма дружелюбная жидкость потекла по пищеводу. Стало легче и на душе и в голове. Мерцание исчезло. Мысли пришли в порядок. И еще Аполлону показалось, что пространство коробки как будто бы расширилось.

– Как звать-то тебя? – спросил Аполлон, отхлебывая прохладный джин.

Он никогда не пробовал ничего алкогольного кроме глотка шампанского на прошлый новый год.

– Мое имя Каки. Знаю, по-вашенски неблагородно звучит. Но, что поделаешь. Селява такова.

– Меня зовут Аполлон, – сказал мальчик. Ему уже довольно крепко ударило в голову. – Можно увидеть тебя, джинн?

– А оно тебе надо?

– Надо. Для порядку. А то решу, что чокнулся от жары.

– Покажи свое личико, Сулико, – пропел Каки негромко. –

Ну, дивись, коли хочешь.

Аполлон щурил глаза в попытке рассмотреть джинна. Сначала было просто темно. Потом почти, что под носом у Аполлона загорелись два больших желтых глаза.

Затем в коробке, как будто зажгли лампу.

Аполлон узрел некое существо, похожее на черта, или гнома, или кого-то еще. Ростом не выше лайки, на голове – торчащая мочалкообразная растительность, как у эфиопа из передачи «Вокруг света». Нос у джинна оказался длинным, похожим на баклажан. Губы, пухлые и влажные, вы-

тянулись в лукавой ухмылке. Туловище джинна непропорционально меньше головы. Аполлон разглядел широкую мускулистую грудь с темно-бордовыми крупными сосками, покрытыми густой черной порослью.

– Вот он я. Весь к твоим услугам, – сказал джинн Каки.

«Джинн совсем нестрашный, скорее, смешной», – решил Аполлон, отхлебнул джина и с шумом проглотил.

– Может, хватит для первого раза? – поинтересовался Каки. – А то мы так с тобой до дела не дойдем.

– О чем ты, Каки? – вяло поинтересовался Аполлон. – Мне так хорошо!

– Я о цели своего визита. Давай так. Ты загадываешь желание, – я озвучиваю условия. Ты соглашаешься, – мы расходимся. Все довольны, бодры и веселы.

Каки вплотную приблизился к мальчику. Тот почувствовал терпкий, немного болотный запах шерсти. Каки заговорил, брызгая слюной:

– Я жду. Валяй, брателло.

– Валяй-желай, валяй-желай, – запел Аполлон скрипучим пьяным голосом. – Хочу, чтоб все эти окаянные в эту дурилку картонную вместо меня. И наливать им не надо. Они не заслужили!

– Конкретизируй, брателло. Кто «эти»? А то, ведь, напутаем. Делов наделаем. А оно нам надо?

– Этих козлов, из-за которых я здесь, всех троих сюда в коробку. А меня домой к маме.

– Ай, молодец! Пятерка тебе. Сформулировал, наконец.

Обрадованный джинн неожиданно исчез, будто бы взорвался изнутри: сначала хлопок, и – его не стало. Только облако пыли с запахом болотной тины.

«Вот те раз, – подумал Аполлон. – Как оно все вышло-то»

Но Каки появился вновь. У него в руках (теперь Аполлон смог разглядеть его руки, большие, лохматые, с длинными, но аккуратными когтями) была какая-то книжка-брошюрка. Каки что-то внимательно изучал. Аполлон заметил, что теперь на его баклажаноподобном носе красовалось золотое пенсне. Пенсне придавало ему значимости.

– Та-а-а-ак..., – протянул Каки. – Кажись, разобрался. Нашел подходящие условия для тебя, грешного. Получается «три за одно с выплатой через двадцать лет». Скидку не дам. У тебя, брателло, астрально-кредитной истории нет. Так что, придется на общих основаниях.

Аполлон не понял ни слова. Но, ему уже было очень хорошо, и он не хотел концентрироваться и сосредотачиваться. Каки ему нравился. И он с радостью согласился, кивнув и рыгнув одновременно.

– Давай. Валяй. Гуля-а-а-ем, – пропел Аполлон.

– Дело сделано, – сказал Каки и с довольным видом захлопнул книжонку.

Аполлон почувствовал, что головокружение усилилось. И вскоре переросло в настоящую карусель с пляшущими по кругу лошадками.

Очнулся Аполлон дома в своей комнате на старом диване с бежевым плюшевым пледом. В глазах у мальчика предательски рябило. Голова вращалась так, будто лошадки никуда и не девались. Подташнивало. И традиционный легкий озноб. Наблюдались классические признаки алкогольного опьянения.

Школьник младших классов Аполлон Иллюзоров был мертвецки пьян.

Часы показывали шесть. Скоро должна была придти мама. И она пришла.

Мама вошла в комнату, как всегда с заготовленными наперед поцелуями и жаркими объятиями. Аполлон попытался вывернуться, изловчиться, дабы не выдать себя, но тут же предательски дыхнул маме в лицо. Она подскочила, как ошпаренная. Молча выбежала из комнаты. Было слышно, как она наливает из кувшина воду и пьет большими шумными глотками.

Мальчику было все равно. Он отдыхал. И еще ему почему-то показалось, что все это сон. Он, пьяный на диване – сон. И мама, которая прячется от горькой правды на семи-метровой кухне – сон. И джинны в коробках – сон. И все плохое в жизни – сон.

* * *

Наутро соседка у подъезда голосила так, что слышал весь дом: «...нашли в котловане... А внутри – Витька из первого подъезда, Сергей из второго и его сосед Анатолий, все го-

лые, скрюченные, со связанными руками и ногами! Ничего не говорят, только угукают по-ненашенски и глазки таращат! Маньяк, вам говорю, маньяк завёлся! Куда только милиция смотрит! Хотя, знамо куда – участковый, вона, вторую неделю в запое!..»

Аполлон пил весь день кефир. Сидел в своей комнате и пытался справиться с мыслями. Мама так и не сказала ни слова. Видимо, в силу смиренного характера, ну и, конечно, сыграл свою роль фактор неожиданности.

Глава 2

Субботнее утро выдалось скверным. Аполлон стоял в трусах-боксерках полосатой расцветки и буравил глазами большое зеркало над «мойдодыром» в ванной комнате, вглядываясь в отражение своей физиономии. Припухшее лицо, нос – туда же, глаза, как пересохшее синее море – следствие размашистого отмечания «тридцатника». Ещё одно следствие в настоящий момент мурлыкало в спальне, накачиваясь содержимым бара. Аполлон содрогнулся при мысли об этом «создании» и сунул голову под струю холодной воды. Золотистые кудряшки намокли и распрямились.

Обычно Аполлон выпрямлял свои кудри щипцами и феном, перед тем как пойти на работу. Инвестиционному банкиру, если это, конечно, не шутка, не пристало быть похожим на купидона, пусть и повзрослевшего, располневшего и обрюзгшего, а также порядком опошлившегося и разменявшего крылья на всякие мелочи жизни.

Аполлон подошел к плетеной корзине с чистым бельем, извлек оттуда свежие трусы и переоделся. К слову сказать, он был самым настоящим фетишистом в отношении своего же нижнего белья. Трусов у него было более ста штук – все разной формы и разных расцветок под настроение. Сегодня он выбрал зеленые с красным рисуночком в виде знаков вопроса, разбросанных в произвольной форме, что должно бы-

ло символизировать некую неопределенность. Мол, что делать – хрен разберешь.

На кафельном полу как результат усиленного мытья физиономии образовалась большая лужа, и Аполлон чуть было не поскользнулся, когда попытался соскрести с пола свой вчерашний костюм и рубашку. Белая рубашка окрасилась чем-то синим и была вся мокрая. Костюм тоже сильно попортился.

«Сдам в химчистку,» – подумал Аполлон и принялся вытирать лужу рубашкой, подцепив ее пальцами ног, после чего забросил рубашку в круглый зев стиральной машины и в очередном приступе тошноты сунул голову под струю прохладной воды

В дверь постучало «создание».

– Ангел мой, ты скоро? Я уже заждаюсь!

Дребезжащие нотки пьяного голоса резанули по ушам. Аполлон вздрогнул и выдернул голову из-под крана.

– Рыбонька, поищи чего-нибудь в баре, мне нужно время, – протянул Аполлон, еле скрывая раздражение.

– Уже нашла, ангел мой, – сказал довольный голос. – К тебе можно? Я кое-что очень хорошо умею.

«Не про мою честь, роднуша, – скрипел зубами Аполлон, размышляя про себя. – Ненавижу, ненавижу, ненавижу когда меня называют ангелом, котенком и прочими дрянными детскими прозвищами.»

– Я немного занят. Привожу себя в порядок. Давай чуть

позже.

– Ну, пожалуйста! – захныкала девица. – Мне там скучно одной. Я же не алкоголичка в одиночку прикладываться. Выходи, Леопольд. Или я к тебе. Потрем друг другу спинки.

Сдавленное хихиканье за дверью.

Аполлону уже давно открылась маленькая правда жизни: одна из самых гадких вещей на свете – пьяная, потерявшая стыд баба.

– Я сказал, нет.

Он неосторожно дернулся и опрокинул бак с грязным бельем. Из бака вывалился электронный офисный пропуск.

«Так бы и постирал, епт», – подумал Аполлон.

– Ангелочек, я тебе помогу,пусти меня.

– Нет! – отрезал Аполлон гневно. – Я должен побыть один!

– Ой, какие мы лирические. Ладно, ладно, пойду заниматься сама собой. Мусоль свое одиночество. Если что, я в спальне.

Послышалось шлепанье босых ног по паркету. Девица, кажись, свалила обратно в спальню.

«Зачем только я подцепил эту анорексичную блонду? – сокрушался Аполлон. – Хотя „зачем“ слово здесь не совсем уместное. Если ты празднуешь свое рождение уже пятый день на неделе, то логические цепочки действий теряются. Тэдди (приятель Аполлона, экспат из Америки) на днях сказал, что Аполлон получил пропуск в зрелость. У Аполло-

на получилось ровно пять таких „пропусков“. Они же соответствовали пяти дням „days off“, которые пришлось взять на работе. Ну почему он не такой, как Тэдди? Тому хоть трава не расти. Хоть упейся и облюбись – утром, как огурчик. В шесть утра встает, седлает свой двухколесный BMW и фигачит, пробиваясь через пробки, в район Лубянки. Хотя Тэдди, конечно, серьезно занимается здоровьем – спортзал по два часа, здоровое питание, пробежка. Усилия, короче, прилагает, в отличие от меня.»

На «мойдодыре» запрыгал мобильник. Зазвучал рингтон «You and your friend» группы «Dire Straits».

«Вспомнишь о нем, он и объявится», – подумал Аполлон, нажимая «зеленую трубку» на мобильном.

– Алле.

– Аполлон, красавчик, как ты? – спросил Тэд.

– В порядке. Лицо мою, если это можно назвать лицом.

Пятница оказалась ударной.

– Как ночь прошла? Fine?

– В ванне прошла ночь. В одиночестве. На смятом костюме на полу.

– Ты большой оригинал. А как же девочка?

– Бухала в спальне. Продолжает бухать.

– Одна? Странно ведешь себя...

– Плевать. Хочу, чтобы она домой свалила. Пока не свалит – не выйду. Хотя, похоже она успела прижиться. Видать, тачка и пентхаус пришлись по вкусу, – пошутил Аполлон.

– Ты бедолага! – засмеялся Тэдди. – А мне она симпатичной показалась.

– Убогая она. В хлам упилась. Тошно. Да, и устал я от этих клубных. Давно уже устал, кстати. Это все ты, Тэ.

– Listen. Ну я не виноват. Это все моя новая, Доминика. Имя-то какое у девочки. С подружкой отдыхала. А куда ее подружку девать было, скажи мне, друг? Да, они, by the way, без подружек в гости не ходят. И в клубы по двое ходят, как полицейские у нас в Техасе. Так что пришлось, друг, тебя подключить. Sorry.

– Боязливые лани, бля, – съязвил Аполлон.

– То лани, то тигры, хрен их разберешь, – пошутил Тэдди.

– Если бы она меня не трогала, я бы не жужжал. Но она в ванну ломится.

– Друг, ну хочешь, зайду к тебе – заберу ее. Благо в одном доме живем. Хотя нет, не получится. Мне в офис ехать надо. Отчет для «головного» буду сочинять. Сроки поджимают.

– По субботам работаешь, герой. Понятно. Если хочешь помочь – вызови такси на мой адрес. Буду признателен. Мой мобильный номер оставь им для связи. И пусть они в квартиру поднимутся. Не уверен, что она сама в состоянии будет спуститься.

– O'key. Кстати, если тебе от этого будет легче, то я тоже своей не очень-то доволен остался. Причем она сидела впереди на байке, я ее трогал – не заметил подвоха. А потом оказалось, что у нее tits фальшивка. А это большая обида

прямо в сердце.

– Силикон что ли? Или что там у них, гель?

– Неа. Лифчик с поролоном, как-то так. С ним – все было. Сняла – вообще, ноль. Как там у вас говорят – дырка в ба-
ранке.

– Ноль без палочки.

– Точно! Ну, слушай. Мне бежать надо. Машину тебе сей-
час закажу.

– Спасибо, Тэ.

– Пока-пока.

Аполлон подошёл к ванной двери и прислушался, – во всю
глотку орал телевизор, музыкальный канал. Из-под ванны
(ванна стояла на большом подиуме, который служил одно-
временно баром и хранилищем для разнообразных нужных
личных вещей), Аполлон достал бутылочку вина. Хотел бы-
ло выпить Божоле. Но штопора не нашлось. Пришлось до-
вольствоваться вином, что в бутылке с отвинчивающейся
крышкой – немецким, каким-то ежевичным полусладким.

Аполлон открутил крышку и сделал глоток. Сладкая жид-
кость лишь слегка обожгла горло. Он почему-то вспомнил
детство. Мама часто готовила ему оладьи с вареньем, кото-
рое он в какой-то момент перестал на дух переносить.

Аполлон поставил бутылку на кафель. Включил воду, что-
бы наполнить ванну.

Из подиумного «хранилища» он высыпал целую кучу ре-
зиновых игрушек для купания. Водяную подушку. Набор пе-

нок.

Ванна наполнялась водой и после того, как Аполлон влил в нее флакончик пенки, стала похоже на огромную чашку латэ с двойной порцией сливок. В самую гущу пены он покидал резиновые игрушки, а потом и сам влез прямо в трусах. Так было психологически комфортней с учетом того, что девица, скорее всего, еще не оставила намерения им овладеть.

Блаженство настигло немедленно. Вот что значит релакс! А не какие-то там пятничные девки, что нажираются до опупения, а потом лезут к тебе в постель. Вот оно удовольствие. Хотя, конечно, женщин хочется иногда, – рассуждал Аполлон. – Но только других совсем, особенных. А где ты таких других, особенных, разыщешь?

Аполлон откинул голову на водяную подушку и закатил глаза. Он постепенно погружался в сон, такой долгожданный. Мысли текли медленно, наплывая одна на другую гелеобразной массой. Хотелось спать.

Пенная ванна, бутылка вина и резиновые утята – кто-то скажет «гедонист пархатый». Ну, и пусть этот «кто-то» валит куда подальше. Каждому свое.

Аполлон задремал и сквозь дрему и слипшиеся глаза ему почудилось – рядом с унитазом, левее от мойдодыра мелькает что-то маленькое, чернявое.

«Мышь что ли гребаная? – подумал Аполлон. – Да хоть бы и мышь.»

– Выпьешь со мной, мышь? – проямлил Аполлон в шут-

ку.

– Не пью бурду вашу, человеческую, – ответила мышь. – У меня тут во фляге жидкий эфир с ароматом амброзии. У тебя стаканчики есть? А то жрешь прямо из горла, как быдло районное. Стыдно за тебя.

«Мышь в ванной говорящая, бя, – подумал Аполлон. – И ей за меня стыдно».

Аполлон попытался сосредоточиться и продрать глаза.

Ему казалось, что он спит и видит сновидение, яркое и необычное.

– Ты узнал меня, детина? – спросила мышь.

– Мы что знакомы? – спросил Аполлон, лениво привставая в ванной. Часть пенной воды вместе с резиновой уточкой оказалась на кафеле.

– А то. С детства, можно так сказать. Предлагаю обращаться ко мне чуть более почтительно. Ибо я тебе не мышь.

– А кто?

– Кто... кто. Хрен в пальто! Джинн я, собственной персоной.

Аполлон попытался рассмотреть гостя. Небольшого роста, носатый, косматый, волосатый – полное ощущение дежавю. Знакомые шустрые глазки и хитро ухмыляющиеся губы. На шее болталась золотая цепочка с подвеской в виде многоконечной звезды.

Несомненно, это была не мышь, не человек и даже не человеческий карлик.

– Ну, допустим, – выдавил Аполлон, морщась. – Где ж твоя лампа, джинн? Я вроде ничего не тер. И почему такая антигламурная самопрезентация? Я про унитаз, прости-те... Фи.

Аполлона сильно развезло. Он был не в состоянии удивляться происходящему.

– Не тер ничего – молодец! Шшут с ней, с лампой! – взвopil джинн, яростно жестикулируя. – И какая, к черту, разница откуда материализовываться?! Захотел из толчка вылезти – вылез. Имею право.

– Что-то я запутался, – сказал Аполлон. – Потерял нить рассуждений. Еще раз – кто вы и зачем здесь?

– Апа-апа-ллоничк, выпей самогончик, – пропел джинн издевательским тоном. – Так припоминаешь?

Аполлон вздрогнул. Очень не хотелось припоминать эту историю с джинном. Но пришлось.

– Так то не была детская пьяная фантазия? – спросил Аполлон с легкой дрожью в голосе. – Жаль.

Он отхлебнул вина и погонял его за щеками перед тем, как проглотить.

– То была суровая реальность, в которой мы с тобой заключили соглашение, имеющее юридическую силу в рамках Вселенной, – сказал джинн уже спокойно.

– Как звать-то? – спросил Аполлон, чувствуя себя более уверенно.

В конце-концов, что не случается в этом безумном-безум-

ном мире.

– Каки. По вашему, знаю, непрезентабельно звучит, но, что поделаешь. А ты все такой же кудрявый, – сказал джинн, хитро улыбаясь. – И поднялся, я смотрю, нормально, на уровне. Кайен. Пентхаус. Красотка в спальне.

– А ты, ведь, не джинн на самом деле? Я еще тогда догадался, – спросил Аполлон, сощурившись. – Дуришь меня?

Каки замялся. Почесал репу.

– Не хочу представляться клиентам ни чертом, ни бесом, ни демоном. С имиджевой точки зрения это невыгодно, ибо клиент не клюнет. Почти также если ты напишешь у себя в визитке «менеджер», а не «вице-президент», – сказал Каки, опустил крышку унитаза и уселся сверху.

– Понимаю, – сказал Аполлон и шлепнул ладонью по воде. – Уважения мало.

– Ну, да ладно. Черти, джинны, вице-президенты. Все это пустое. Слова. Я сюда не за этим пришел. Долг за тобой. Пора его гасить, – сказал Каки деловым тоном. Его пухлые влажно-алые губы сложились в ухмылке.

– Хм., – протянул Аполлон. Не люблю быть обязанным. Люблю наоборот. Я признаюсь, смутно помню, что я тебе что-то должен.

– «Три за одно с выплатой через двадцать лет» – такое было условие. Ты его принял. Я свою часть соглашения выполнил. Те трое перцев, кстати, до сих пор недееспособны и мычат, как Герасимы.

– Сожалею.

– Твой выбор – твое желание. Сожалеть глупо.

– «Три за одно» – это что за математика? – спросил Аполлон, вылезая из ванной.

– Я выполняю одно твое желание. Ты выполняешь три моих. Стандартная схема. Скидок у тебя не было, ибо первый раз сотрудничали, – сказал Каки, бросая Аполлону полотенце. – Желания я загадываю по собственному усмотрению. Может быть все, что угодно. Так что готовься морально к приключениям на пятую точку.

– Это все бред, – отрезал Аполлон, оборачивая полотенце вокруг торса. – Не вижу смысла считать себя должником. Впервые, тогда я ребенком был. Ничего не знал, не понимал, находился в состоянии аффекта и еще алкогольного опьянения в придачу. Это раз. Никаких бумаг я не подписывал. Так что соглашения нет. Это два. По-моему, уже хватает.

– Ну, незнание не освобождает от ответственности. Алкогольное опьянение тоже, даже усугубляет, по вашим же, кстати, человеческим кодексам. Бумаг не подписывал? Так у нас устный договор был, где устное согласие равнозначно подписи, – сказал Каки тоном Глеба Жиглова, беседующего с шантрапой.

Аполлон задумчиво почесал кудрявую голову.

– Ты мне мозг не конопать, – нашелся он. – Я тогда был ребёнком. Несовершеннолетним. Какая тут может быть ответственность?! Да и договор, если бы и имел место, то его

можно считать недействительным.

– У нас такие отговорки не прокатят, – рявкнул Каки. – По демоническому уставу клиент дееспособен с семилетнего возраста. Когда человеку исполняется семь лет, светлые силы сворачивают свою вездесущую опеку. Клиент становится абсолютно открытым для сотрудничества с низшим астралом. Усёк, брателло?

– Брателло, – передразнил Аполлон джинна. – Короче, я тебе ничего не должен. Ну, а если и должен, фиг, что получишь. Еще не хватало, чтобы я на каких-то леших батрачил!

– Если сторона Заказчика отказывается выполнять свою часть работ, то Исполнитель имеет право предпринять в отношении Заказчика карательные меры по своему усмотрению. Пока тот не одумается, – продолжал нудить Каки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.